

Глава 2— Эй, ты что, не знаешь, где находишься? Как вы вообще попали на нашу заднюю гору? Мы находимся в деревне Ниуту, которая относится к уезду Туншань. Город Туншань всего в двух-трех милях отсюда, это не так уж далеко — до него идти минут тридцать. — Чан Хао расширил свои большие, круглые глаза и обратился к Юй Цинцзе. Ответ мальчика, безусловно, подтвердил часть предположений Юй Цинцзе. Некоторое время он молчал, затем начал разговор, делая мысленные заметки. К тому моменту, когда Чан Ле привел доктора, Юй Цинцзе уже собрал множество сведений и знал, что речь идет о стране Дашэн, основанной всего лишь пятнадцать лет назад. В то время в деревне Ниуту проживало всего сорок или пятьдесят семей, а в самой деревне были лишь две фамилии — Ю и Чан. Родители двух братьев умерли, когда Чан Хао было всего два года, и лишь дедушка остался у них дома. Чан Хао был еще мал, поэтому многие вещи ему не были известны. Он знал лишь то, что, если проехать чуть дальше, окажется город Туншань, а за ним — Юньчжоу, и где-то там будет столица. Юй Цинцзе не спешил; новостями можно было заняться позже, важнее, казалось, было объяснить семье Чан свою личность. Незнакомцы всегда вызывали опасения в любое время. После осмотра врач определил, что с Юй Цинцзе все в порядке, и объяснил, что в ближайшие дни ему следует больше отдыхать, после чего ушел. Юй Цинцзе всё еще обдумывал речь, но ни один из братьев не спросил его, откуда он и что делает в их деревне. Чан Ле отослал доктора и удалился готовить, больше не возвращаясь. Чан Хао также был отправлен братом по своим делам. Юй Цинцзе вздохнул с облегчением и решил осмотреться. На земле лежали пара сабо и пара соломенных сандалий, что немного подбодрило его; он понял, что хозяин просто не знает его предпочтений и оставил два варианта на выбор. Надев соломенные сандалии, он шаг за шагом направился к двери. Левая нога была вывернута так сильно, что вся лодыжка распухла. Точно в этот момент, когда он дошел до двери комнаты, Чан Хао вернулся с расщепленной веткой. Увидев Юй Цинцзе, он поспешно сказал: — Эй, брат Юй, зачем ты вышел? Вот тебе деревянный костыль, мой брат только что его срезал. Юй Цинцзе взял простой деревянный костыль и с улыбкой поблагодарил: — Спасибо, я вас побеспокоил. Жилище семьи Чан не было очень большим: главная комната располагалась в центре, по обе стороны от нее — две комнаты, а кухня находилась на западе. За кухней располагались свинарник и ванная комната. Комната, в которой находился Юй Цинцзе, была главной. К северу от главной комнаты стоял стол для жертвоприношений с двумя табличками и глиняной горелкой для благовоний. Увидев надписи на скрижалях, он приятно удивился: слова здесь оказались такими же, как и в его мире, хотя некоторые были написаны традиционным китайским языком. По одну сторону стены стоял квадратный стол с четырьмя деревянными табуретами, а с другой — груда рисовых зерен с скошенной травой, которые нужно было собрать, прежде чем высушить и поместить на склад. У подножия стены лежала незаконченная соломенная циновка и несколько бамбуковых планок. С первого взгляда всё выглядело просто и чисто. С кухни доносился треск дров. Юй Цинцзе подошел и увидел, что Чан Ле готовит рис у плиты. Затем он небрежно сломал сухую ветку толщиной с его руку на две части. — ... — Юй Цинцзе открыл рот от удивления и посмотрел на маленькие руки Чан Ле, затем молча опустил взгляд на свои. Действительно, удивительная сила. Юй Цинцзе на некоторое время остолбенел, а когда заметил, что Чан Ле смотрит на него, схватился за дверную раму, поднял деревянный костыль в руке и с улыбкой поблагодарил: — Брат Чан Ле, спасибо. Чан Ле застенчиво улыбнулся, махнул рукой, мол, не беспокойся, затем указал на дверь. — Мой брат попросил вас посидеть снаружи, в кухне слишком много дыма, — перевел Чан Хао. Юй Цинцзе понял, но не хотел создавать неудобства двум братьям, поэтому сел у двери. Снаружи оказался небольшой двор, окруженный забором. С правой стороны двора стоял сарай, в котором было много дров. Теперь, когда двор убран, на земле лежала несколько больших соломенных циновок с сушащимся золотым рисом. С другой стороны находились две вешалки для сушки одежды и рыболовная сеть. Увидев сидящего Юй Цинцзе, Чан Хао поднял грабли под карнизом и начал собирать просо, при этом сказал: — Мой брат сказал, что сегодня мы будем есть новый рис, я уже чувствую его аромат! Эй, как он вкусно пахнет! Чан Хао поднял голову и глубоко вздохнул, наслаждаясь моментом. Сумерки

уже настали, солнце постепенно садилось на западе, окрашивая всё в оранжево-красный свет. Лицо юноши, освещенное закатом, излучало невероятный блеск, наполненное надеждой и счастьем. Всё было очень спокойно. Юй Цинцзе смотрел на происходящее и имел лишь одну мысль: "Ты уже закончил собирать просо дома?" Он подошел и взял метлу, чтобы помочь подмести. Чан Хао быстро остановил его, заметив это. — Эй, брат Юй, присядь, я скоро закончу. Молодой человек взял метлу из рук Юй Цинцзе, не дав ему отказаться, помог ему сесть на табурет, затем закатал рукава и штанины. Его руки и ноги ловко двигались, собирая просо, которое сушилось на соломенной подстилке, он не забыл ответить на вопрос Юй Цинцзе. — Это займет много времени, на это уйдет несколько дней. У моей семьи три акра земли, и я только что закончил собирать урожай на одном участке. После сбора урожая мне еще нужно сажать саженцы. Это нужно сделать до начала осени. То есть сегодня я закончу работу раньше, а завтра снова буду сажать. Поэтому я занят. — Ты настоящий трудяга. — Эй, это не такая уж тяжелая работа. После сбора проса можно есть рис, и голодать не придется. — Лицо мальчика выражало довольство и тоску. — Почему я не вижу твоего дедушку? — Дедушка пошел на гору за травами. Травы и лекарства для твоих лодыжек собраны дедушкой. Они продолжали непринужденный разговор. Вдруг в ворота двора вошел мужчина средних лет, одетый несколько экстравагантно, с темно-красной родинкой между бровями. Он толкнул дверь и вошел внутрь. Увидев Юй Цинцзе, на мгновение остолбенел, а затем, улыбнувшись, сказал: — О, молодой человек проснулся? Юй Цинцзе никого не знал, поэтому с улыбкой кивнул и спокойно посмотрел на странный наряд мужчины. Но заметив его, Чан Хао немедленно прекратил свои действия и настороженно уставился на мужчину средних лет. Его довольное выражение лица изменилось: глаза затуманились скукой, он нахмурился и воскликнул: — «Дядя, зачем ты пришел?» Мужчина средних лет ответил на вопрос и спросил: — «Твой брат дома? Ле Геэр, Ле Геэр...». Не дождавшись ответа Чан Хао, мужчина сразу направился на кухню. Увидев это, Чан Хао выронил из рук грабли, которые использовал для сушки, и быстро бросился к мужчине, заслоняя его руками. С громким криком он произнес: — «Моего брата нет дома, я как раз собирался срезать боровую траву! Дядя, возвращайся скорее!» — Почему ты так говоришь, малыш? Я хочу кое-что сказать твоему брату Ле, не мешай мне. — Я сказал, что моего брата здесь нет! Он не женится на этом старом вдовце пятидесятишестидесяти лет! Он уже сказал это!...Юй Цинцзе: «...» Жениться? Какова же ситуация? □□□□